



Русский Журнал

ТЕМА НЕДЕЛИ:

Лидер между интеллигенцией и бюрократией

выпуск № 27(41)
24 ноября 2009

еженедельное издание Русского Института

Дмитрий Фурман: Первый интеллигент у власти после Ленина

СІХІ

- Дмитрий Фурман с.3-4

Мандат на лидерство

- Глеб Павловский с.2,11
- Борис Межуев с.5-6
- Андрей Ашкерев с.6
- Ирина Чечель с.7

Интеллектуальное расследование

- Кирилл Бенедиктов с.8-9

Лидер-интеллигент

- Александр Доброхотов. . . с.10-11
- Игорь Задорин с.12-13

Академия: проект «модернизация»

- Роберту Мангабейра Унгер с.14-15
- Александр Неклесса . . с.16-17
- Псой Короленко с.17

«Новая политическая стратегия Дмитрия Медведева»

- Владимир Чуров с.18
- Дмитрий Орлов с.19
- Алексей Зудин с.19

Рецензия

- Славой Жижек «Кукла и карлик» с.20



РЖ *Уважаемый Дмитрий Ефимович, как вы оцениваете модель политического лидерства Дмитрия Медведева в сравнении с моделями лидерства Владимира Путина и Бориса Ельцина?*

Три российских президента — Борис Ельцин, Владимир Путин и Дмитрий Медведев — олицетворяют три этапа эволюции нашего постсоветского строя. Это похоже на то, как в советскую эпоху Вла-

димир Ленин, Иосиф Сталин, Никита Хрущев, Леонид Брежнев выражали собой опять-таки разные этапы эволюции советского общества. Причем человек типа Хрущева не был способен выполнить работу Ленина. А человек типа Ленина не мог появиться в эпоху Брежнева. Время требует определенного типа людей.

Редакция «РЖ — Тема недели» представляет своим читателям эксклюзивное интервью с Дмитрием Фурманом — известным российским политологом и историком. Его недавняя нашумевшая статья «Республиканец на троне» посвящена стилю президентства Дмитрия Медведева

Это проявляется, с моей точки зрения, в том, что при назначении преемника и Ельцин и Путин не старались подобрать людей, максимально похожих на них самих. Скорее, даже наоборот — они подбирали людей, не похожих на себя, но в целом более или менее соответствующих их пониманию нового этапа развития.

Ельцин с его неконтролируемым поведением, с его странными выходками представлял собой фигуру начальственного харизматика, самодура-революционера. Это был человек, который выполнил, прежде всего, работу по ликвидации союзного государства, ну и заложил основы нового государства, основанного на сочетании демократического «фасада» и личной власти «безальтернативных» президентов, в борьбе с реальными противниками, в которой ставкой была не только власть, но и жизнь. Но, когда он почувствовал, что вопрос встает так: или он продлевает свою власть и умирает очень скоро, или уходит, найдя себе преемника, и умирает немножко попозже, — он выбрал для себя второй вариант.

Продолжение на стр. 3

Главный редактор
Глеб Павловский

Шеф-редактор
Борис Межуев

Адрес редакции
119180 Москва
ул. Большая Якиманка, д. 1.
Тел.: (495) 745-52-25
Факс: (495) 725-78-67
e-mail: info@russ.ru

ПЕРВЫЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ У ВЛАСТИ ПОСЛЕ ЛЕНИНА

Продолжение. Начало на стр. 1

Ельцин понимал, что революционный этап уже позади, а для следующего этапа нужен другой человек, с другой психологией, который способен завершить строительство здания государства и сыграть роль такого «консолидатора». На что Ельцин был не способен ни в силу своих психологических особенностей, ни в силу своего прошлого. Его прошлое, его роль разрушителя делала его фигурой не консолидирующей. И он выбрал Путина. Он перебрал довольно много самых разных людей. Но в конце концов остановился на Путине.

Чем он руководствовался? Путин не безумный честолюбец, каким был Ельцин. Он, скорее, человек порядка, служака. Путин — человек, жестко контролирующийся себя. У него могут быть срывы, как у любого, очень уж контролирующего себя человека, но это именно срывы, а не ельцинская «удаль». В случае с Собчаком он показал себя человеком, преданным своим патронам, то есть человеком, который не продаст сразу же, с ходу своего начальника и благодетеля. Кроме того, Путин — это КГБ, то есть человек, умеющий проводить спецоперации. Ельцин уже и ранее искал преемника, в общем-то, в круге спецслужб, поэтому еще ранее возникали фигуры и Степашина, и Примакова. В этом смысле выбор Путина был логичен.

Итак, в соответствии с новыми задачами и пониманием эволюции нашего строя и в соответствии со своими личными интересами Ельцин выбирает человека, не похожего на себя. И, в общем, то же самое делает и Путин.

При Путине система, скажем так, контроля власти над обще-



ством, система «управляемой демократии» дошла до предельных возможностей своего развития. Она дошла до некоего предела. Дальше надо было или вообще отказываться от всякого демократического фасада: скажем, изменять Конституцию, становиться пожизненным президентом, превращаясь в главу нормальной «третьемировской» диктатуры. Но такое действие не имело бы достаточного идеологического подкрепления. Значит, нужно было остановиться. Опять же — до создания однопартийной системы тоже оставался всего один шаг. Но остановились и здесь. Вероятно, у самого Путина было смутное ощущение, что достигнут некий предел. И, решив уйти от президентства и организовать этот «тандем», Путин опять-таки выбирает человека, не похожего на себя. Во-первых, не выходца из спецслужб. Во-вторых, интеллигента. **Медведев — первый человек из интеллигентной семьи в руководстве Российского государства за много лет, со времен, наверное, Ленина.**

РЖ *Вы все-таки предполагаете, что Путин и в самом деле ушел от власти, что президентство Медведева не является декорацией реальной власти Путина?*

Не знаю, как реально обстоят дела, и даже считаю, что бессмысленно пытаться проник-

нуть в эту тайную кремлевскую кухню. Но Медведев явно не ощущает себя пешкой или марионеткой. Я воспринимаю его как человека, который не является подставной фигурой. Он, безусловно, лоялен своему прежнему шефу, он прислушивается к его мнению. **Тандем, он реален как тандем, и все-таки президент у нас Медведев.**

РЖ *Можно ли сказать, что отказ от диктатуры был обусловлен влиянием Запада? Или президентство Медведева все же обусловлено внутренней динамикой российского общества?*

Я бы вообще не стал особенно разделять влияние Запада и внутреннюю динамику. Наша система — это система передающих друг другу власть президентов. Но она возникла сама собой, а не по какому-то идейному плану и никогда не имела никакого внятного идеологического обоснования, которое было бы альтернативно демократии и тем идеалам и принципам, которые были провозглашены в 1991 году.

Когда Путин и Медведев говорят о демократии, они вполне искренни. У них нет иной идеологической альтернативы. И Запад в этом отношении играет роль не просто какой-то «княгини Марьи Алексеевны», которая еще не ровен час чего скажет. Запад — это та модель нормального общества, которая властвует в том числе и над сознанием творцов нашей системы.

И создатели нашей системы — Ельцин и Путин — хотели сохранить и усилить свою власть, передать ее тем, кого они наметили в качестве преемников. Но это ценности не идеологического, а человеческого, личностного плана. Идеологически же и

ПЕРВЫЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ У ВЛАСТИ ПОСЛЕ ЛЕНИНА

абстрактно они — сторонники демократии. А Медведев — совсем уж демократ, что не помешало ему продлить срок президентства.

РЖ Возможно, что причина наших демократических «откатов» — в выборе президентской модели власти, в которой риски поражения и, напротив, дары победы неизмеримо завышены?

Причину и следствие вы, по моему, меняете местами. При каких условиях была создана наша политическая система? Она оформилась после переворота 1993 года, когда Ельцин освободился от «угроз и противовесов» и сделал себе Конституцию в расчете на свою уже существующую, персоналистскую систему личной власти. Поэтому не в Конституции здесь дело. Сама система нашей персоналистской власти не Конституцией порождена. Наоборот, она породила нашу Конституцию и может существовать при разных конституциях.

РЖ А чем она порождена все-таки? Что является первопричиной появления той системы, которую мы имеем, — особенности национально-политического менталитета, специфика политического

транзита или какие-то личные характеристики тех людей, которые пришли к власти в 1991 году?

от коммунистических систем, имеющих свою идеологическую базу, она отличается от традиционных монархий. Но эта система



Самая главная причина становления у нас такой системы заключается, безусловно, в **психологической и культурной неготовности общества к демократии**. При этом в **обществе никакой идейной альтернативы демократии нет**. Когда нет возможности следовать нормам, а нормы воспринимаются как нормы, начинается имитация следования этим нормам. Наша система — это система имитации демократии. Она отличается от реальных диктатур военного типа, отличается

в принципе односторонна с тем, что есть в Белоруссии, с тем строем, который сложился в Казахстане и других азиатских республиках. Отличия, конечно, есть, и они значительны. Прежде всего, в России все-таки президенты два раза уступали свой пост, а в этих странах — нет. Но и в Белоруссии, и в Казахстане, и в России оппозиция ни разу не приходила к власти и система строится таким образом, чтобы она никогда и не смогла к ней прийти. ■

Беседовал Борис Межуев

Дмитрий Фурман — известный российский политолог, историк, религиовед, главный научный сотрудник Института Европы Российской академии наук, доктор исторических наук. Родился в 1943 году в Москве. Окончил исторический факультет МГУ, в советские годы в основном работал в области истории и социологии религии. В 1990–2000-е занимался проблемой сравнения политических процессов в странах СНГ.

Дмитрий Фурман является острым критиком того политического направления развития, которое избрала Россия после августовских событий 1991 года. Утверждая, что в современной России отсутствует идеологическая альтернатива демократии, он вместе с тем придерживается точки зрения, что именно политика посткоммунистической власти сделала неизбежным отход от

принципов конкурентной демократии. Событиями 93-го года президентская власть сама загнала себя в «ловушку безальтернативности».

Открывая дискуссию о медведевском стиле лидерства, мы попросили Дмитрия Ефимовича развернуто сформулировать его взгляд на отличие лидерской модели нынешнего президента от моделей его предшественников.